

Как строилась китайская стена. Франц Кафка

Китайская стена в северной своей части закончена. Строители вели ее с юго-востока и с юго-запада и здесь оба отрезка соединили. Системы вооружения стены отдельными участками придерживались две большие рабочие армии – Восточная и Западная; и на каждом отрезке происходило это так, что были созданы группы рабочих по двадцать человек, каждой поручалось построить отрезок стены примерно в пятьсот метров, а соседняя группа строила встречный отрезок такой же длины. Но когда отрезки смыкались, эту стену в тысячу метров не продолжали – напротив, рабочие группы посылались совсем в другую местность, чтобы там начать все сызнова. Поэтому, естественно, остались многочисленные бреши, которые заполнялись лишь постепенно, иные даже только после того, как было возведено о завершении строительства всей стены в целом. Тем не менее ходили слухи, что некоторые бреши так и остались незаделанными, хотя это, может быть, всего-навсего одна из многочисленных легенд, возникших в связи с возведением стены, ч эту легенду ни один человек своими глазами и своим измерением никак проверить не мог из-за огромной протяженности стены.

Казалось бы на первый взгляд, что самое целесообразное – строить, тут же соединяя между собой отрезки или хотя бы две главные части. Ведь стену эту, как утверждалось повсюду и как всем было известно, задумали для защиты от северных народностей. Но может ли служить защитой стена, отдельные части которой не соединены между собой? Нет, такая стена не только не может служить защитой, она сама находится в постоянной опасности. Стоящие в пустынной местности одинокие части могут легко и непрерывно разрушаться кочевниками, тем более что те, напуганные строительством стены, с непостижимой быстротой, словно кузнечики, начали перескакивать с места на место и поэтому могли, пожалуй, даже шире охватить взглядом строительство, чем мы сами, строители. Все же стену, вероятно, нельзя было возводить иначе, чем это делалось. И чтобы это понять, надо уяснить себе следующее: стена должна была служить защитой в течение долгих веков, поэтому необходимыми предпосылками такой работы являлись особая тщательность и применение строительной мудрости всех известных эпох и народов. а также постоянное чувство личной ответственности строителей. Правда, для подсобных работ можно было привлекать неподготовленных поденщиков из народа – мужчин, женщин, детей, всех, кого прельщала хорошая оплата; но для руководства хотя бы четырьмя поденщиками уже был нужен образованный строитель, человек, способный всем сердцем понять сущность стоящей перед ним задачи. И чем успешнее были достижения, тем больше предъявлялось требований. Такие люди действительно находились, и хоть не в том огромном количестве, в каком они были бы нужны для подобной стройки, все же их оказывалось немало.

Подожли к этой задаче отнюдь не легкомысленно. За пятьдесят лет до начала стройки во всем Китае, который предполагалось окружить стеной, строительное искусство, особенно же мастерство каменщиков, было объявлено важнейшей наукой, а все остальное признавалось лишь постольку, поскольку оно имело к ней отношение. Я отлично помню, как мы, еще малыши, едва научившиеся ходить, собирались в садике нашего учителя и он заставлял нас построить из гальки какое-то подобие стены, потом поднял халат, разбежался и толкнул нашу стену, которая, конечно, тут же развалилась, а потом так бранил нас за шаткость нашей постройки, что мы с ревом удрали домой. Ничтожный случай, но характерный для духа времени.

Мне повезло, ибо, когда я, двадцати лет от роду, выдержал завершающие экзамены начальной школы, к строительству стены только что приступили. Я говорю – повезло, ибо многие, достигшие раньше вершины доступного им обучения, в течение ряда лет не знали, к чему приложить свои познания, бездельничали, вынашивая величественные архитектурные планы, и в конце концов опускались. Но те, кто все же попадали на стройку как руководители хотя бы самого низшего ранга, это заслужили. То были каменщики, много размышлявшие о стене и не перестававшие размышлять; с первым камнем, который они заложили в землю, они срослись со стройкой. Таких каменщиков наряду с желанием трудиться самым основательным образом подгоняло и нетерпение увидеть стену в ее завершенности. Поденщик не ведал подобного нетерпения, его подгоняет только оплата, главные же начальники, а также средние видят многосторонний рост сооружения, и это укрепляет их дух и стойкость. Но о самых простых каменщиках, стоявших духовно значительно выше своей как будто скромной задачи, надо было позаботиться совсем иначе. Не следовало, например, месяцами, а то и годами заставлять их жить в безлюдной горной местности, вдали от родных краев, складывая кирпич к кирпичу; безнадежность этой усердной работы, конца которой не видно было даже за целую человеческую жизнь, могла довести их до отчаяния и прежде всего лишить работоспособности. Потому-то и избрали систему возведения стены отдельными отрезками. Можно было, скажем, выложить пятьсот метров за пять лет, но к тому времени руководители поденщиков бывали обычно слишком изнурены и утрачивали всякое доверие к себе, к стройке, к миру. И вот, пока они еще горели энтузиазмом после праздника соединения двух отрезков тысячеметровой стены, их отправляли далеко-далеко, и во время переезда они видели то там, то здесь готовые части стены, они проезжали мимо штабов высших руководителей, одарявших их почетными значками, слышали ликование новых рабочих армий, притекавших из дальних глубин страны, видели, как сносят целые леса для нужд строительства, видели горы, которые дробились камнетесами для стройки, слышали в святых местах песнопения верующих, моливших о благополучном завершении стены. Все это укрощало их нетерпение. Спокойная жизнь в родных местах, где они проводили время, укрепляла их, особое почитание, с каким встречали каждого строителя, благоговейное смирение, с каким слушали их рассказы, уверенность простого тихого гражданина в том, что стена будет когда-нибудь завершена, – все это определенным образом настраивало струны их души. Подобно лелеющим вечную надежду детям, прощались они тогда со своей родиной, желание снова участвовать в общенародном деле становилось неустойчивым. И они уезжали из дому раньше, чем это было нужно. Половина деревни провожала их большую часть пути. И всюду на дорогах они видели группы строителей, вымпелы, флаги, они никогда не предполагали, какой огромной, богатой, прекрасной и достойной любви была их страна. Каждый земледелец был их братом, для которого строится защитная стена и который весь, как он есть, и со всем, что у него есть, будет до конца своей жизни благодарен им. Единство! Единство! Все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе.

Итак, вот одна из причин, почему строили по частям; но, вероятно, есть и другие. И нет ничего странного в том, что я так долго задерживаюсь на этом вопросе, ведь это основной вопрос для всего возведения стены, хотя он на первый взгляд и кажется несущественным. Но если я хочу передать мысли и чувства тех времен, то трудно исчерпать всю его глубину.

Прежде всего следует отметить, что тогдашние свершения по своему размаху ненамного отстают от создания вавилонской башни, но в смысле их угодности Богу – по крайней мере по человеческому разумению – являются прямой противоположностью той башне. Я упоминаю об этом потому, что в начале строительства стены один ученый написал книгу, где очень подробно сравнивал эти два события.

Он пытался в ней доказать, что причины неудачи с вавилонской башней вовсе не те, которые принято двигать, или хотя бы что эти общеизвестные причины не играют той решающей роли, какую им обычно приписывают. Его доказательства основывались не только на письменных и устных сообщениях, он будто бы самолично производил исследования на том самом месте и выяснил, что башня рухнула из-за слабого фундамента, не могла не рухнуть. В этом смысле наше время, конечно, далеко ушло вперед по сравнению с теми давно миновавшими днями. Почти каждый наш современник был по образованию строителем и в вопросах подведения фундамента вполне сведущ. Но ученый в этом и не сомневался, а утверждал, что лишь великая стена впервые в истории человечества явится прочным фундаментом для новой вавилонской башни. Итак, сначала стена, затем башня. Книга ходила тогда по рукам, но, сознаюсь, мне до сих пор не вполне понятно, каким он представлял себе строительство башни. И как могла бы стена, не образовавшая даже полной окружности, а лишь четверть или полукружие, служить фундаментом для башни? Это могло быть сказано только в чисто духовном смысле. Но при чем тогда стена, которая была предметом вполне материальным, плодом трудов и жизни сотен тысяч? И для чего к этой книге были приложены планы башни – правда, весьма туманные – а также разработанные до мельчайших подробностей предложения относительно того, как в этой новой мощной стройке объединить всю мощь народа?

Однако в те дни – эта книга только один из примеров – в головах царила великая путаница, может быть, именно потому, что столько людей пытались сосредоточить свои усилия по возможности на одной цели. Человеческое существо, будучи по своей сути легковесным и подобным взлетающей пыли, не терпит никакой привязи; если оно к чему-нибудь само себя привяжет, то очень скоро начнет бешено дергать свои оковы и разрывать в клочья себя, стену и цепи.

Возможно, что даже эти соображения, говорящие против строительства, учитывались начальниками, когда стена возводилась частями. А мы – я говорю, вероятно, от имени многих, – лишь расшифровывая распоряжения верховного руководства, познали самих себя и поняли, что без этого руководства ни наших школьных познаний, ни нашего человеческого разума не хватило бы для выполнения тех скромных задач внутри огромного целого, которое было нам поручено. В помещении руководителей (где этот покой находился и кто сидел там – не знает и не знал ни один человек, кого я ни спрашивал), в этом покое, должно быть, кружили все человеческие помыслы и желания, а им навстречу неслись все человеческие цели и их осуществления. В окно же на руки, чертвишие эти планы, падал отсвет божественных миров.

Поэтому беспристрастный наблюдатель вынужден отметить, что руководство, пожелай оно этого серьезно, смогло бы преодолеть и те трудности, которые встают перед последовательным строительством всей стены. Отсюда напрашивается только один вывод: стройка частями производилась намеренно. Это было лишь временной мерой и притом нецелесообразной. Тогда напрашивается и другой вывод: значит, руководители стремились к чему-то нецелесообразному. Станный вывод! Верно, а с другой стороны, многое его все же оправдывает. Сейчас об этом, видимо, можно говорить без страха. Тогда это являлось тайным правилом поведения для многих и даже лучших; старайся всеми силами понять указания начальников, но только до определенных границ, а дальше прекращай размышления. Весьма разумное правило, которое, впрочем, отразилось позднее в одном часто повторяемом сравнении: не потому должен ты прекратить дальнейшее размышление, что это может тебе повредить, отнюдь нельзя утверждать, что они тебе повредят. В данном случае вообще нельзя говорить, будет вред или не будет. Но с тобой случится то же, что происходит веснами с рекой. Вода в ней поднимается, затем делается мощнее, она энергичнее питает почву вдоль своих длинных берегов, продолжает сохранять свою сущность, даже вливаясь в море, и становится с морем более равноправной и ему более желанной. До этого момента ты можешь следовать мыслью за распоряжениями начальников. Затем река выходит из берегов, теряет формы и очертания, замедляет свое возвращение в обычное русло, пытается вопреки своему назначению образовать маленькие моря внутри страны, размывает пашни, но все же оказывается неспособной сохранять надолго такую широту и снова входит в свои берега, а во время наступающей затем жары даже пересыхает самым жалким образом. Вот и тебе не нужно следовать мыслью так далеко за распоряжениями руководителей.

Но если подобное сравнение было во времена строительства стены исключительно удачным, то для моего повествования оно имеет лишь очень ограниченное значение. Ведь данное исследование носит чисто исторический характер, из давно рассеявшихся грозных туч уже не блеснут молнии, и я потому имею право искать более глубокие причины частичной стройки, чем те, какими удовлетворялись мы в ту пору. Границы, поставленные мне моим мышлением, достаточно тесны, а область, которую пришлось бы охватить, – сама бесконечность.

От кого должна была великая стена служить защитой? От северных народов. Я родом из юго-восточного Китая. Никакой северный народ нам угрожать не может. Мы читаем о них в древних книгах, и жестокости, совершаемые ими в соответствии с их природой, заставляют нас только вздыхать под мирной сенью наших деревьев. На правдивых картинах наших художников мы видим эти отмеченные проклятьем лица, разинутые рты, усаженные острыми зубами челюсти, прищуренные глаза, которые как будто уже высматривают воровскую добычу, и пасть, уже готовую растерзать ее и раздробить. Если дети ведут себя плохо, мы показываем им эти картины, и они, плача, бросаются нам на шею. Но больше ничего мы об этих северянах не знаем. Видеть их мы не видели и, живя в своей деревне, никогда и не увидим, даже если они на своих диких конях, разъярясь, будут мчаться на нас, – настолько обширна наша страна, что она их к нам не подпустит, они просто растают в воздухе.

Зачем же, если дело обстоит именно так, покидаем мы родные места, речку и мосты, мать и отца, рыдающую жену, детей, которых нужно воспитывать, и уходим в школу, в далекий город, а мысли наши устремлены еще дальше – к стене на севере? Зачем? Спроси начальников. Они знают нас. Им, несущим бремя столь великих забот, известно о нас, они знают наше скромное ремесло, видят, как мы сидим все вместе в низкой хижине, и молитва, которую вечером глава семьи читает в кругу близких, руководителям приятна или неприятна. И если я смею позволить себе подобную мысль относительно руководства, то должен сказать, что, по моему мнению, руководство существует с незапамятных времен и не действует подобно знатым мандаринам, которые, вдохновившись прекрасным утренним сновидением, тут же созывают совещание, быстро принимают решения и уже вечером поднимают народ барабанным боем с постелей, чтобы выполнить эти решения, пусть речь идет лишь об иллюминации в честь какого-нибудь бога, если он вчера был милостив к этим господам, а утром, когда погаснут фонарики, оны высекут этот народ в темном закоулке. Вернее – руководители существовали искони и решение построить стену – тоже. И тут ни при чем северные народы, воображавшие, что они всему виной, и ни при чем достойный император, вообразивший, что это он приказал построить стену. Но мы, ее строители, знаем другое и помалкиваем.

Уже тогда, во время строительства стены, я занимался и до сих пор занимаюсь почти исключительно сравнительной историей народов, –

Ибо существуют вопросы, а скрытой сути которых можно в известном смысле подойти только таким путем,— и я обнаружил, что у нас, китайцев, есть народные и государственные установления, обладающие беспримерной ясностью, а другие — беспримерной неясностью. К исследованию главным образом последних, к установлению их причины меня всегда влекло, влечет и сейчас, ибо все это крайне существенно и для построения стены.

Одним из самых непонятных установлений является у нас императорская власть. Конечно, в Пекине, в придворном обществе, на этот счет некоторая ясность существует, хотя и она скорее кажущаяся, чем истинная. Преподаватели государственного права и истории в высших учебных заведениях утверждают, будто они в этом вопросе точно осведомлены, почему и могут передавать свои познания студентам. Но чем ниже спускаешься к начальным школам, тем, конечно, меньше встречаешь сомнений в приобретенных познаниях, и полуобразованность вздымается там крутыми волнами вокруг весьма немногочисленных, установленных веками поучений, которые хоть ничего и не утратили от своей вечной правды, но в этом чаду и тумане так и остаются навеки непонятными.

А вот относительно императорской власти как раз и следовало бы, по моему мнению, опросить народ, ибо власть эта имеет в нем свою главную опору. Тут я, конечно, могу опять-таки говорить лишь о своих родных местах. Помимо полевых божеств и служения им, которое продолжается весь год и полно разнообразия и красоты,— все наши помыслы отданы только императору. Но не теперешнему. Или, вернее, они были бы обращены и к теперешнему, если бы мы его видели или узнали о нем что-нибудь определенное. Правда, только он и вызывал в нас любопытство — мы всегда стремились узнать хоть что-то на его счет, но, как ни странно, узнать ничего не удавалось ни от паломника, который побывал во многих областях страны, ни в ближних, ни в дальних деревнях, ни от матросов, плавающих ведь не только по нашим речушкам, но и по большим священным рекам. Слухов ходило множество, однако ничего достоверного из них почерпнуть мы не могли.

Так обширна наша страна, что никакой сказке не охватить ее, едва удастся небу дотянуться от края до края, и Пекин на ней — только точка, а дворец императора — только точка. Но император как понятие, конечно, огромен, он высится сквозь все этажи вселенной. А живой император — такой же человек, как мы, подобно нам, лежит он на ложе, и хоть оно тщательно измерено, но все же относительно весьма узкое и короткое. Как имы, он порой потягивается и, если очень устал, зевает тонко очерченным ртом. А как можем мы об этом узнать, мы, живущие за тысячи миль к югу, почти у границы Тибетского высокогорья? Да и кроме того, всякая весть если бы и дошла до нас, то слишком поздно и давно устарела бы. Вокруг императора теснится толпа блистательных и все же сомнительных придворных — злоба и вражда, переодетые слугами и друзьями,— это противовес императорской власти, они всегда стремятся своими ядовитыми стрелами сбить императора с чаши весов. Императорская власть как понятие бессмертна, но отдельных императоров свергают с престола, даже целые династии в конце концов сходят на нет и, вдруг захрипев, испускают дух. Об этой борьбе и страданиях народ никогда не узнает своевременно, как чужаки, как пришедшие слишком поздно, стоят простые люди в конце битком набитых улочек, спокойно жуя захваченные с собой припасы, а далеко впереди, посередине рыночной площади совершается казнь их владыки.

Существует предание, в котором неведение народа очень хорошо отражено. Тебе, говорится в нем, жалкому подданному, крошечной тени, бежавшей от солнечного блеска императора в самую далекую даль, именно тебе император послал со своего смертного ложа некую весть. Он приказал вестнику опуститься на колени возле своего ложа и шепотом сообщил ему весть. И так как императору очень важно было, чтобы она дошла по назначению, он заставил вестника повторить эту весть ему на ухо. Кивком подтвердил император правильность сказанного. И при всех свидетелях его кончины,— мешающие стены были снесены, и на широких, уходящих ввысь лестницах выстроились кругом вся знать государства,— при всех них император отправляет своего вестника. Вестник тотчас пускается в путь: это сильный, неутомимый человек; действуя то одной рукой, то другой, прокладывает он себе путь среди собравшихся; а если ему сопротивляются, он указывает себе на грудь, на которой знак солнца; и он легко, как никто другой, продвигается вперед. Но толпа так огромна, ее обиталищем не видно конца. Если бы перед ним открылось широкое поле, как он помчался бы, и ты, наверно, вскоре услышал бы торжественные удары его кулаков в твою дверь. Но вместо этого он бесплодно растрачивает свои усилия; он все еще проталкивается через покои во внутренней части дворца; никогда он их не одолеет; и если бы даже это ему удалось, он ничего бы не достиг; ведь ему пришлось бы пробираться вниз по лестницам, а если бы и это удалось, он все равно ничего бы не достиг; потом надо же было пройти дворы; а после дворов — второй, наружный дворец; и снова лестницы и двери; и еще один дворец; и так в течение тысячелетий; а если бы он наконец вырвался из самых последних ворот — хотя этого никогда, никогда не случится,— прежде всего перед ним окажется резиденция, центр мира, переполненная доверху осевшими в ней людьми; никто через нее не пройдет, даже несущий весть от усопшего. Ты же, сидя у своего окна, воображаешь себе эту весть, когда приходит вечер.

Именно с такой вот безнадежностью и надеждой взирает наш народ на императора. Он не знает, какой император правит, и даже относительно имени династии возникают сомнения. В школе его учат всему по порядку, но всеобщая неуверенность столь велика, что даже лучший ученик попадает под ее влияние. Давно умершие императоры возводятся нашей деревней на престол, и тот, кто жив уже только в песне, совсем недавно выпустил обращение, и священник читал его с кафедры. Сражения нашей древнейшей истории гремят лишь сейчас, и сосед с пылающими щеками врывается к тебе в дом с этим известием. Императорские жены, раскормленные на шелках своих подушек, отученные хитрыми придворными от благородной нравственности, раздувшись от жажды власти, вздрагивая от алчности, распростертые в сладострастии, совершают все вновь и вновь своей злодеяния. Чем больше времени прошло с тех пор, тем грознее пылают краски, и громким и горестным воплем встречает сегодня деревня однажды весть о том, как одна императрица тысячелетия назад пила большими глотками кровь своего мужа.

Так относится народ к давно умершим властителям, а живых смешивает с мертвыми. И если один-единственный раз в жизни целого поколения какой-нибудь заезжий императорский чиновник, инспектируя провинцию, попадет случайно в нашу деревню, предьявит от имени правящего императора какие-нибудь требования, он проверяет список налогов, присутствует на уроке в школе, расспрашивает священника о нашем житье-бытье и, перед тем как сесть в паланкин, вложит все это в длинные назидания, с которыми обратится к согнанной сельской общине, то по всем лицам заскользит улыбка, люди будут тайком переглядываться и наклоняться к детям, чтобы чиновник не видел их лиц. Как же так, будут дивиться люди, он говорит о мертвом, словно о живом, а ведь этот император давным-давно умер и династия угасла,— господин чиновник смеется над нами, но мы делаем вид, будто ничего не замечаем, чтобы не обидеть его. На самом же деле мы будем послушны только нашему теперешнему повелителю, ибо все остальное было бы грехом. И позади спешащего прочь паланкина с чиновником как будто встает какой-то самовольно поднятый из гробовой урны и полуразложившийся мертвец и властно топает ногой, словно он повелитель деревни.

Как правило, так же мало затрагивают людей у нас всякие государственные перевороты и современные войны. Мне вспоминается по этому поводу один случай из моей юности. В соседней, но все же очень отдаленной от нас провинции вспыхнуло восстание. Причин я уже не помню, да и не в них дело. Народ там беспокойный, и что ни день, то появляются поводы для восстания. И вот однажды какой-то нищий, проходивший через ту провинцию, принес в дом моего отца листовку мятежников. Был как раз праздник, комнаты были полны народа, на почетном месте сидел священник и изучал листовку. Вдруг все начали хохотать, листовку в толчее разорвали, нищего, которому, правда, уже всего надарили, вытолкали взащей из комнаты, все собравшиеся выбежали на улицу. Почему? Дело в том, что диалект соседней провинции существенно отличается от нашего, это сказывается и в известных формах письменности, которые нам кажутся старинными. Едва священник успел прочесть две страницы листовки, как вопрос был решен. Старые дела, давно слышали, давно переболели. И хотя от нищего – как мне представляется, когда я вспоминаю этот случай, – явно веяло жестокостью теперешней жизни, люди, смеясь, покачали головами и больше ничего не желали слушать. Так у нас всегда готовы заглушить голоса современности.

Если бы из таких явлений мы сделали вывод, что в сущности у нас никакого императора нет, мы были бы не столь далеки от истины. И я повторяю все вновь и вновь: может быть, нет более верного императору народа, чем наши южане, но верность эта ему не на пользу. Правда, на маленькой колонне у входа в деревню стоит священный дракон и с незапамятных времен почтительно посылает свое огненное дыхание точно в сторону Пекина, но сам Пекин людям в деревне более чужд, чем потусторонняя жизнь. Неужели существует такая деревня, где дома построены вплотную друг к другу, покрывая поля, и она тянется дальше, чем хватает взгляд с нашего холма, а среди этих домов днем и ночью стоят люди сплошными шеренгами? Нам труднее представить себе такой город, чем поверить, будто Пекин и его император составляют нечто единое, вроде облака, которое с течением времени спокойно меняется в солнечных лучах.

Следствием подобных мыслей является до известной степени свободная, никому не подвластная жизнь. Она отнюдь не безнравственная – такой чистоты нравов, как в моем родном краю, я, пожалуй, нигде не видел, сколько ни ездил по свету. Все же это такая жизнь, которая не подчинена никакому современному закону, а следует только предписаниям и предостережениям, дошедшим до нас из глубокой древности.

Я не решаюсь делать обобщения и не буду утверждать, что так же обстоит дело во всех десяти тысячах деревень нашей провинции, а тем более во всех пятистах провинциях Китая. И все-таки я могу утверждать на основании множества прочитанных мною трудов, а также моих собственных наблюдений – особенно при строительстве стены, когда человеческий материал давал чуткому исследователю возможность как бы читать в душах всех провинций, – на основании всего этого я могу почти с уверенностью утверждать, что образ императора всегда и повсюду выступал передо мной, наделенный теми же основными чертами, как и в моих родных местах. Этому пониманию я вовсе не хочу придавать характер какой-то добродетели, напротив. И тут повинно главным образом правительство древнейшего государства в мире, которое до сих пор не оказалось способным или среди других дел не удосужилось придать понятию императорской власти такую ясность, чтобы она действовала непосредственно и непрерывно до самых дальних границ страны. С другой стороны, в этом сказывается и недостаточная сила воображения или веры у народа, которому никак не удается извлечь на свет затерявшийся в Пекине образ императора и во всей его живости и современности прижать к своей верноподданнической груди, которая только и жаждет хоть раз ощутить это прикосновение и в нем раствориться.

Итак, добродетелью подобное понимание не назовешь. Тем больше бросается в глаза, что именно эта слабость и служит одним из важнейших средств объединения нашего народа; и если позволить себе еще более смелый вывод, это именно та почва, на которой мы живем. И здесь обосновать упрек этому обстоятельству – значит не только посягнуть на нашу совесть, но – что гораздо важнее – на фундамент всего государства. Поэтому я в исследовании данного вопроса пока дальше не пойду.